

Взглянув на голову Цао Чжэньхая, где волосы были обкушены так, словно их грызла собака, врач почувствовал, как у него разболелись глаза.

Он по очереди осмотрел всех, прощупывая и проверяя, и снова повторил ставшую привычной фразу:

— При пальпации и внешнем осмотре всё в порядке. Для спокойствия можете сделать полное обследование в больнице.

Едва он произнес эти слова, как подъехала полиция с сиренами. Медсестра, звонившая, сообщила, что в чайной Фантин на улице Цзин-ши происходит драка семерых, есть холодное оружие, одного человека уже забрала скорая. Поэтому, включив сирены, сюда влетели пять полицейских, а остальные всё еще выходили из машин.

Спина Цао Чжэньхая напряглась: похоже, проблема разрасталась. В прошлый раз, когда он избил Ци Цзиншэна, всё уладили миром, через семьи. А теперь вмешалась полиция, и дома ему достанется от отца.

Он еще не успел придумать план действий, как Ци Цзиншэн уже снял с Шан Сяоханя коммуникатор и пошел навстречу полицейским:

— Господа, звонок от нас. Мой маленький друг сегодня в кафе подвергся нападению пятерых взрослых и одного подростка. Весь процесс записан на камеру коммуникатора. Есть ли у вас терминал, чтобы я мог передать доказательства?

Старший полицейский окинул взглядом подростка, который якобы был «избит». Кроме слегка растрепанных волос и нескольких красных полос на руках, он был цел и невредим.

Затем он взглянул на «нападавших»: один с взлохмаченной головой и в лохмотьях, другой сидел на полу, растирая запястье, у троих на одежде отпечатались следы обуви...

Кровопролития не было, полицейский махнул рукой, приказывая группе сзади отойти:

— Все со мной в участок для дачи показаний.

Цао Чжэньхай наконец понял, что нужно делать, и потянулся к воротнику Цао Синхэ:

— Позови отца, — затем он поднял свой пухлый подбородок и обратился к полицейскому. — Без адвоката я не буду говорить и никуда не пойду.

Полицейский прищурился, окинув взглядом комнату, особенно обратив внимание на одежду Ци Цзиншэна и Цао Чжэньхая, и сделал паузу:

— Ладно, место не имеет значения. Если не хотите ехать в участок, будем здесь. Но немедленно вызовите адвоката.

Несмотря на поведение Цао Чжэньхая, остальные с самого момента начала вели себя сдержанно. Врач, ставший случайным свидетелем, дал показания. Шан Сяохань четко и ясно рассказал обо всем, что произошло между ним и этими шестью людьми.

Когда они закончили, подписали протоколы и уходили, как раз примчался адвокат семьи Цао.

Последующие события Сяо Цзю наблюдал через «забытые» камеры в ресторане и камеры в полицейском участке.

Помимо адвоката семьи Цао, прибыли родители остальных детей, особенно отец Цао Синхэ — Цао Ивэнь. Он был старшим помощником семьи Цао и обычно отвечал за улаживание подобных скандалов.

Записи, предоставленные Ци Цзиншэном, хоть и дрожали, но было достаточно, чтобы восстановить картину событий. Камеры зала боевых искусств «Тяньи» также доказали, что провокацию начали шестеро.

Под угрозами Цао Чжэньхая те не посмели признаться, что напали на Шан Сяоханя, чтобы выманить Ци Цзиншэна. Они дали единые показания: Цао Синхэ жаловался на ссору с одноклассниками в школе, и старшие братья решили помочь ему отомстить.

Тому неудачнику, получившему удар в пах, предстояло провести в больнице как минимум две недели. К счастью, детородные органы не пострадали.

Цао Синхэ был отвезен домой, где Цао Ивэнь отшлепал его пять раз, в наказание заставил переписать триста раз семейные правила и лишил карманных денег на полгода. Даже когда он плакал и кричал, что его оклеветали, это не помогло.

Во время наказания терминал в его комнате был включен, и Сяо Цзю увидел всё в прямом эфире, транслируя картинку Ци Цзиншэну:

— Цао Ивэнь оказался дальновидным человеком. Он отчитывал сына, говоря, что когда в такую историю попадают все сразу и валить вину на него, значит, он слишком глуп. Этот малыш ревел в три ручья, перечисляя, как его обижали все эти годы, и подытожил, что больше не хочет тусоваться с молодым хозяином. Без семьи Цао он еще покажет себя.

Ци Цзиншэн сидел в гостиной дома семьи Ли, готовя лекарство. Дверь в ванную была не заперта, оттуда вырывались пар и шум воды. Он немного рассеянно спросил:

— Что сказал Цао Ивэнь?

— Похоже, он начал задумываться, правильно ли выбрал путь для сына раньше, — Сяо Цзю быстро переключался между кадрами с разных камер. — Все родители забрали детей и устроили им взбучку. Цао Чжэньхай сейчас стоит на коленях перед отцом и слушает нотации.

— Цао Ивэнь — умный человек. Иначе бы он не смог из боковой ветви, отделившейся восемь поколений назад, дорасти до личного секретаря главы клана, — вспомнил Ци Цзиншэн некоторые данные.

Обычно, после отделения на много поколений, имена в семьях давали как попало. Иероглиф «И» в имени Цао Ивэня он сменил уже в подростковом возрасте, чтобы соответствовать поколенной иерархии в роду.

— Подготовь несколько копий четкой записи с той камеры на стене, — Ци Цзиншэн планировал завтра сопровождать Шан Сяоханя на примирительную встречу. Лучше раз и навсегда убрать этих прихвостней Цао Чжэньхая.

Иначе в ближайшие два года, пока он будет на первой звезде, а Ли Хэ уйдет учиться, Шан Сяохань останется один, и это будет слишком опасно. Он может выиграть одну драку, но у знатных семей слишком много способов испортить человеку жизнь.

— Брат Цзиншэн, что это за лекарство? — Шан Сяохань вышел, вытирая волосы полотенцем, и

подошел понюхать блюдце с прозрачной жидкостью.

— Я смешал несколько мазей от ушибов в определенных пропорциях и растворил. У тебя на теле быстро появляются синяки, нужно сразу мазать. Ложись, — Ци Цзиншэн подвинулся.

— Ты ударился спиной о стену, я уже видел. Ложись, я нанесу мазь, — Ци Цзиншэн похлопал по месту рядом. — Сними футболку.

— А? — Шан Сяохань застыл, немного смутившись. — Я сам как-нибудь.

— Сам дотянешься сможешь, но без массажа лекарство хуже впитывается. Будь послушным, ложись, — серьезно объяснил Ци Цзиншэн.

— Хорошо, — Шан Сяохань послушно стянул футболку и лег на диван.

За этот год он сильно вырос, ноги свешивались с дивана. Мокрые волосы стряхнули несколько капель на руку Ци Цзиншэна, и у него екнуло сердце. Он встряхнул головой, пытаясь сосредоточиться, налил немного лекарства в ладонь, растер его и прижал к спине Шан Сяоханя.

Кожа у Шан Сяоханя была нежная, гораздо светлее, чем у других мальчишек его возраста. Вероятно, из-за обилия капилляров под кожей она очень быстро краснела и покрывалась синяками. Обычно во время тренировок Ци Цзиншэн специально берег силы, но сейчас, хотя серьезных травм и не было, выглядело всё довольно пугающе.

Ненароком движения Ци Цзиншэна замедлились. В глубине души он корил себя за то, что пользуется моментом, но рука не слушалась.

Летним вечером свет был еще ярким, от заката все предметы в комнате казались окаймленными золотисто-красной каемкой, и воздух, казалось, стал гуще.

Шан Сяохань чувствовал горячую ладонь, давящую и массирующую его спину, дыхание немного перехватило. Он замер на мгновение, потом неловко сказал:

— Брат Ци Цзиншэн, у тебя ладонь горячая.

— Эту мазь нужно сильно потереть в ладонях, разогреть, так она лучше действует, — Ци Цзиншэн легко шлепнул его. — Не дергайся.

— Ой, — Шан Сяохань обнял подушку и лежал смирно. Ему казалось, что лекарство впитывается очень долго, но... было приятно.

Когда ладонь оторвалась от его спины, резкая потеря тепла и давления показалась даже обидной. Он перевернулся и сел, мозг на секунду отключился, и он глупо протянул руки перед лицом Ци Цзиншэна.

Ци Цзиншэн как раз хотел взять влажную салфетку, чтобы вытереть руки, но увидел перед собой руки с синяками и не смог удержаться от улыбки:

— Ладно, маленький хозяин, сегодня ты пострадал из-за меня. Я буду служить, намажу тебя целиком.

Лицо Шан Сяоханя мгновенно покраснело. Он почувствовал, что поступил глупо и непонятно, пробормотал с трудом:

— Твои руки уже испачканы лекарством. К тому же... у тебя получается лучше.

Ци Цзиншэн ткнул его в лоб:

— Ленивый, так и говори, не ищи оправданий. Но я с радостью это сделаю. Кроме рук, где еще болит? Повернись, посмотрю, есть ли места, до которых ты сам не дотянешься.

Шан Сяохань позволил ему вымазать себя лекарством со всех сторон. Ему было даже приятно, что его так мнут и трут. Неужели он извращенец? Когда Ци Цзиншэн пошел мыть руки, у Шан Сяоханя в голове что-то щелкнуло.

Ведь есть же такая болезнь, «синдром тактильного голода»?

Он смутно помнил, что преподаватель социальной психологии как-то упоминал это. Дефицит любви в детстве и всё такое. Применимо к себе... это имеет смысл. Мать умерла рано, отец редко бывал дома. Э-э, так ли это? Но почему раньше такого не было?

Пока он там ломал голову, Ци Цзиншэн уже вымыл руки, убрал лекарства и вышел:

— Мне нужно срочно вернуться в усадьбу Шэньюань, так что я не останусь с тобой ужинать. Завтра я приеду за тобой, и мы вместе пойдем на переговоры. Если не хочешь готовить, закажи еду, и ложись спать пораньше.

<http://bllate.org/book/17699/1652393>